

Петр Иванович Рыбков.

Р. Н. Милков

ОрЗ

М60

+ ОрЗ

П. И. РЫЧКОВ

ЖИЗНЬ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

122074

ПРОСВЕЩЕНИЕ
1955

Чкаловская
областная библиотека
Читальня №

0517
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА-1955

ДХ

Глава 2. ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК

Вторая четверть XVIII века ознаменовалась важными географическими событиями. В это время на крайнем севере и востоке России велась работа Великая Северная, или Вторая Камчатская, экспедиция (1733—1743). По числу участников, сложности и объему выполненных работ, по своим научным результатам Великая Северная экспедиция не имела себе равных ни в России, ни за границей. Участники ее описали северное морское побережье России, открыли северо-западную Америку, изучали природу Камчатки и многих районов Сибири.

После Великой Северной экспедиции на географических картах появились близкие к действительности изображения севера и северо-востока Азии. Россия в результате работ Великой Северной экспедиции впервые получила ясное представление о своих северных и восточных морских границах. В итоге работ Великой Северной экспедиции стало возможным правдивое картографическое изображение России, что и было сделано Академией наук в издании Атласа Российской империи (1745). Полное название атласа было «Атлас Российской, состоящей из двадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю, с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям,

с приложенною притом генеральною картою великия сей империи, стараниями и трудами императорской Академии наук».

Основанная в 1724 году Петром I Академия наук успешно развертывала свою деятельность по географическому изучению России. В 1739 году при Академии наук был открыт особый Географический департамент, на долгое время ставший научным географическим центром в России. С 1758 года во главе Географического департамента Академии наук становится М. В. Ломоносов. В середине XVIII века — в период формирования научных взглядов Рычкова — русская географическая наука обогатилась выдающимися сочинениями Ломоносова: «Слово о рождении металлов от трясения земли» (1757) и «О слоях земных» (1763).

Атлас Российской империи, изданный Академией наук, несмотря на ряд недостатков, представлял выдающееся картографическое достижение. Карты атласа, охватившие огромную территорию, стояли на более высоком научном уровне по сравнению с картами и атласами, имевшимися в Западной Европе. Знаменитый математик Л. Эйлер справедливо указывал, что в результате издания атласа «География Российская приведена гораздо в исправнейшее состояние, нежели география Немецкой земли»¹.

Знакомство с академическим атласом, и особенно с предисловием к нему, в котором читатель призывался к исправлению напечатанных карт, а также переписка с В. Н. Татищевым затолкнули Рычкова на мысль о составлении специального географического атласа Оренбургской губернии. Нужда в таком атласе была большая. Управление Оренбургским краем, освоение его огромной территории требовали достоверных и точных знаний о природе и населении страны, а это последнее было невозможно осуществить без прочной картографической основы.

Это хорошо понимали уже первые начальники Оренбургской экспедиции — Кирилов и Таташев. Еще при их жизни в разные места Оренбургской губернии были направлены геодезисты для сбора материала и составления ландкарт. В 1741 году при канцелярии Оренбургской комиссии был создан географический департамент, в задачу

¹ Гаурчова В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века, М. — Л., 1946, стр. 329.

которого входили рассмотрение и оценка поступающих от геодезистов ландкарт, а также составление общей «генеральной» ландкарты Оренбургской губернии.

Составленная таким образом «генеральная» ландкарта Оренбургской губернии имела самое широкое употребление, однако вскоре она оказалась уже устаревшей, так как в канцелярии Оренбургской губернии быстро накопился новый и ниже не обобщенный картографический материал. По инициативе Рычкова в 1752 году принимается решение о составлении новой генеральной карты Оренбургской губернии и прилегающих к ней с юга среднеазиатских земель. Генеральная карта должна была сопровождаться десятью «спarticулярными» — частными — картами, детализирующими отдельные части губернии.

Составление карт, точнее атласа Оренбургской губернии, было возложено на геодезиста прапорщика И. Красильникова. Благодаря его усердию составление карт шло сравнительно быстро, и в 1755 году атлас И. Красильникова был готов.

Рычкова, ведавшего делами Оренбургской губернской канцелярии, не удовлетворяли одни ландкарты губернии. Вслед за Татищевым, он считал, что ландкарты, даже самые исправные, не могут ответить на все запросы практики; необходимым дополнением к ним должны служить географические описания территории. Эта мысль очень ясно высказана им в предисловии к первому рукописному варианту «Топография Оренбургской». «И хотя употребление исправно сочиненных ландкарт, — пишет Рычков, — во всяком правлении, а особливо в политических и в воинских делах, производит немалую пользу, ибо всякий командир, имея при себе исправную ландкарту тех мест, кои ему в дирекцию и правление поручены, может из нее видеть, в которую сторону и сколь далеко простирается его команда, в какой ситуации и где находятся подчиненные ему города и жительства, где море или озеро, отколь и куда текут реки и пр.; наисовершенному сведению и к доброспорядочному управлению поручаемых дел нужно каждому командиру сверх того знать еще разные обстоятельства, яко то: народное и натуральное состояние подчиненных ему мест, где какое изобилие и на каком основании находятся, что где натура произвела и произвести может, которое место чем избыточествует или оскудевает, откуда, когда и как изгравждать недостатки и чрез что пре-

возможать имеющиеся или быть могущие затруднения и пр., — без чего командующему, хотя бы он и снабжен был исправнейшими ландкартами, и имел бы притом рассуждение самое тонкое и проницательное, во всех его делах и предприятиях порядочное учреждение и управление иметь не только трудно, но и едва возможно ль»¹.

В дополнение к ландкартам Красильникова Рычков решил написать топографию Оренбургской губернии.

Во времена Рычкова топографией именовали страноведческие сочинения, посвященные география какой-либо ограниченной территории — отдельной части страны, чаще всего губернии. В топографию тогда включались не только сведения о рельефе, но и характеристика всех других элементов природы — рек, озер, климата, животного мира и т. д., а также данные о населении, его занятиях, торговле, городах и пр. В отличие от топографии географические сочинения, описывавшие весь мир, принято было называть космографией, а описание крупной страны, например России, — географией.

К началу 1755 года первая часть «Топографии Оренбургской» была написана. В феврале 1755 года Рычков высылает рукопись «Топографии» Ломоносову, с которым познакомился во время поездки в Петербург в 1751 году.

Высылая рукопись, Рычков писал Ломоносову: «В том моем намерении, по предвосприятому от меня плачу, сочиняя первую часть, признал я не токмо за сходно, но и за должно послать ее на Ваше милостивого государя моего, просвещенное рассмотрение, надеясь, что Вы, означенное мое намерение почти за справедливое по имеющемуся в Вас об общих пользах рачению, сего труда не отречетесь»².

Через несколько месяцев, в июне 1755 года, рукопись «Топография Оренбургской» Рычков пересылает непосредственно в Академию наук. В сопроводительном письме он указывает, что как при составлении карт, так и при написании «Топографии» он руководствовался правилами, изложенными в предисловии к академическому атласу (1745).

Карты Красильникова и первая часть «Топографии Оренбургской» Рычкова дважды — 31 июля и 2 августа

¹ Сб. «Оренбургские столы...», стр. 387.

² Ломоносов М. В. Сочинения, т. 8, АН СССР, М. — Л., 1948, стр. 186.

1755 года — рассматривались в Академии наук и были одобрены к изданию. В обсуждении «Топографии» и карт активное участие принял Ломоносов. Рукопись «Топографии» произвела на него очень хорошее впечатление, и он стремился к тому, чтобы труд Рычкова был как можно скорее опубликован в печати.

Позже, в 1760 году, Рычков в письме к Г. Ф. Миллеру с гордостью писал о своем знакомстве с Ломоносовым. «Михайло Васильевич Ломоносов, — сообщал он, — персонально меня знает. Он, получив первую часть моей «Топографии», письмом своим весьма ее расхвалил; дал мне знать, что она от всего академического собрания апробована; писал, что приятели и неприятли (употребляю точные его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырезать на меди»¹. Примерно с 1757 года Рычков вступил в переписку с академиком Миллером и стал сотрудником академического журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие».

В 1755 году в «Ежемесячных сочинениях» был напечатан интересный труд Рычкова «Переписка между двумя приятелями о коммерции».

«Переписка между двумя приятелями о коммерции» сразу же привлекла внимание академических кругов к неизвестному до того автору, жившему вдоволь в глухой провинции. «Переписка» сопровождается обстоятельным описанием истории развития «коммерции». По мнению И. С. Бака, Рычков был первым русским автором, давшим очерк истории «коммерции»². Но главное значение статьи Рычкова заключается не в этом очерке истории «коммерции», а в тех идеях, которые высказаны Рычковым относительно дальнейшего развития и процветания русской «коммерции». Надо оговориться, что под «коммерцией» Рычков, как и многие другие ученые того времени, понимал не просто внутреннюю и внешнюю торговлю, но и всякие ремесла и промыслы; точнее, «коммерция» Рычкова включает, помимо торговли, вопросы промышленного и вообще хозяйственного развития страны.

По И. С. Баку, в «Переписке между двумя приятелями о коммерции» изложены ранние экономические

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 33.

² Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова. Историческая записка, 16, АН СССР, 1945, стр. 132.

воззрения Рычкова, которые будто бы не отличались новизной и своеобразием. «В своей «Переписке», — утверждает И. С. Бак, — Рычков развивает господствовавшие тогда в России меркантилистские идеи¹. Отход от идей меркантилизма наблюдается у Рычкова будто бы значительно позже, с момента появления его работ в Трудах Вольного Экономического общества (с 1766 года и позже). Едва ли с этим можно согласиться. Как известно, главное богатство страны меркантилисты видят в накоплении золота и серебра, а средством достижения этой цели считают всемерное развитие внешней торговли, усиленное производством товаров, вывозимых на внешний рынок. Между тем уже в своей «Переписке» Рычков многие экономические вопросы решает самостоятельно, отлично от меркантилистов. Считая производство товаров и развитие промышленности основой благосостояния государства, он на первое место ставит не внешнюю торговлю, как меркантилисты, а внутреннюю, внутригосударственный товарооборот. Рычков в отличие от меркантилистов очень рано, задолго до сотрудничества в Вольном Экономическом обществе, обратился к изучению сельского хозяйства, к выяснению его громадной роли в экономике страны.

Очень важной работой Рычкова является «Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях», опубликованное в 1758 году в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих». По словам Н. К. Каратаева, «Этой статьей впервые на страницах печати были поставлены конкретные задачи по улучшению сельского хозяйства страны на основе весьма тщательно собранного материала двух больших губерний»².

«Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях» Рычков рассматривал как материал для будущего полного экономического описания страны. В первой части «Письма» он описывает важнейшие сельскохозяйственные орудия (сабан, косулю), во второй — посев, обработку земли и уборку по каждой возделываемой культуре в отдельности. Характерно, что в этой статье, как и во многих других, Рычков с глубоким уважением отзывается о народном опыте. «Ибо в сих делах нередко случается, —

¹ Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова. Исторические записки. 16, АН СССР, 1945, стр. 134.

² Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII века. Вестник АН СССР, № 3, 1963, стр. 90.

утверждает он, — что самые простые люди в деревнях живущие, по их в земледелии практике, имеют в том основательные сведения»¹.

Сказанное никак не позволяет видеть в ранних экономических работах Рычкова простое повторение господствовавших тогда идей. Наоборот, есть основания считать, что, уже начиная с «Переписки между двумя приятелями о коммерции» (1755), у Рычкова намечается явный отход от широко принятых тогда меркантилистских идей. В более поздних работах этот отход от меркантилизма проявился еще резче.

Меркантилистская политика была особенно характерна для эпохи Петра I. Во второй половине XVIII века, в новых исторических условиях, она из стимула превратилась в тормоз развития производительных сил. В связи с этим у русской общественной мысли с середины XVIII века намечается тенденция к отказу от идей меркантилизма. Большую положительную роль в этом вопросе сыграли труды Рычкова. По признанию современных экономистов, «В отказе от меркантилизма, в переходе к анализу процессов общественного производства большая заслуга принадлежит первому члену-корреспонденту Академии наук П. И. Рычкову»².

В 1759 году в том же академическом журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих» печатается новое крупное произведение Рычкова — «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии». Участник Оренбургской экспедиции, свидетель важных исторических событий, располагая к тому же богатыми архивными материалами, Рычков подробно и со знанием дела описывает в нем историю организации и проведения Оренбургской экспедиции, начиная со времен Петра I и кончая моментом официального учреждения Оренбургской губернии (1744). Естественным продолжением «Истории Оренбургской» послужило «Прибавление к Оренбургской истории», напечатанное в том же 1759 году. «Прибавление к Оренбургской истории» охватывает события, протекавшие с 1744 по 1751 год.

¹ Рычков П. И. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях, Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих, СПб., 1758, стр. 321—322.

² Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII века, Вестник АН СССР, № 3, 1960, стр. 87.

К 1759 году Рычков был хорошо известен в академических кругах. Опубликованные труды по истории и экономике края, рукопись первой части «Топографии Оренбургской», инициатива в составлении ландкарт — все это ставало уже тогда Рычкова в один ряд с наиболее известными учеными того времени.

Официальным признание научных заслуг Рычкова явилось избрание его в начале 1759 года в члены-корреспонденты Академии наук.

Своим избранием в члены-корреспонденты Академии наук Рычков в значительной мере обязан Ломоносову. Правда, первые ходатайства о присвоении Рычкову звания почетного члена Академии наук принадлежат не Ломоносову, а Миллеру, преследовавшему при этом определенные личные цели. Выступая в роли покровителя Рычкова, Миллер стремился привязать его к себе, направить его научные интересы в нужном для себя направлении. Рычков для Миллера был не просто сотрудником журнала, но и деятельным корреспондентом, сообщения которого он мог использовать в своей работе.

Ходатайства Миллера не встречали поддержки в академической канцелярии, в которой было засилье иностранцев, относившихся с прямой враждой к каждому новому русскому имени. К тому же и ходатайства Миллера не были настойчивыми, они скорее носили характер ярского жеста, чтобы успокоить Рычкова, видевшего в этом избрании одобрение и моральную поддержку в своей научной работе. Помогло избранию Рычкова прямое вмешательство в это дело Ломоносова.

Хорошо известно, как много энергии и сил тратил Ломоносов на выдвижение в Академию наук русских ученых. Не без оснований он не доверял иностранцам, многие из которых были настоящими проходимицами, смотревшими на русскую Академию наук, как на богатую кормушку, где можно было получать высокие оклады, не перегружая себя работой. К тому же находились среди них и такие, что умудрялись служить сразу двум хозяевам: получая русское жалованье, переправляли за границу материалы, не подлежащие оглашению. Не всегда Ломоносов выходил победителем. Нередко иные авантюристы, пробравшиеся в Академию наук, находили высоких покровителей при дворе. Перед смертью, находясь в опале у Екатерины II, Ломоносов с горечью писал: «За то терплю, что

стараясь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство»¹.

Стремясь привлечь к участию в работе Академии наиболее широкий круг русских ученых, Ломоносов предложил ввести почетное звание члена-корреспондента Академии наук. Первым кандидатом Ломоносов назвал Рычкова.

21 января 1759 года Ломоносов направляет президенту Академии наук собственноручно составленную им докладную записку об учреждении звания члена-корреспондента².

Докладная записка Ломоносова была утверждена президентом Академии наук К. Г. Разумовским, и 28 января 1759 года Канцелярия Академии наук направляет в Конференцию Академии наук указ об учреждении звания корреспондентов. Указ во многом повторяет докладную записку Ломоносова. В нем говорится о решении президента «учредить по примеру некоторых других Академий класс академических корреспондентов», причем далее отмечается, что следует «считать сие учреждение приятным в такие корреспонденты с даньем дипломы господина коллежского советника Петра Рычкова»³.

На следующий день, 29 января 1759 года, состоялось официальное избрание Рычкова в члены-корреспонденты Академии наук.

Избрание в члены-корреспонденты Академии наук явилось радостным событием в жизни Рычкова. Связи его с Академией наук упрочились и получили официальное признание, что одно уже имело для него большое значение. Совмещать научную работу со службой чиновника по условиям того времени было нелегко. Даже и после избрания в члены-корреспонденты Рычкову, как увидим ниже, приходилось бороться и не раз вступать в открытый конфликт с начальством, отстаивая свое право на научные занятия.

¹ Морозов А. В. Младая Василияна Ломоносова, М., 1950, стр. 323.

² См. Модзалевский Л. Б. Рукопись Ломоносова в Академии наук СССР. Науч. описание, АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 327—328.

Докладная записка М. В. Ломоносова была подписана также Н. И. Турбертом и Я. Я. Шталем.

³ Модзалевский Л. Б. Рукопись Ломоносова в Академии наук СССР. Науч. описание, АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 328—331.

Таким образом, та заинтересованность, которую Рычков проявлял к своему избранию в Академию наук, объясняется не честолюбием Рычкова, которого он был не лишён, и похвально не материальными выгодами, которых он не получал, а тем, что такое избрание представляло, как ему казалось, широкое возможности для продолжения научной работы, отраждало его от нападков со стороны начальства. Перед избранием в одном из писем он писал: «Критика и негодование, которым новые дела часто подвержены бывают, в у нас в тех местах стараниях не редко самые лучшие случаи из рук у меня отнимают, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда к должности моей не принадлежащее». Рычков просил в случае избрания его в члены Академии наук уведомить об этом Оренбургскую канцелярию, благодаря чему «не только б подались мне лучшие и удобнейшие способы все то свободно и охотно исполнять, что в нашей стороне оная Академия признает и меня определит (sic), но и от всякого изреkania и негодования совершенно б уже свободен и был»¹.

Насколько ценил Рычков свое избрание в члены-корреспонденты, можно видеть по его семейным «Запискам», где подробно говорится об этом событии и приводится полный текст диплома.

При пересылке диплома об избрании в члены-корреспонденты Миллер в качестве секретаря Академии наук пишет Рычкову похвальный отзыв. В письме он умалчивает, что избрание Рычкова в члены-корреспонденты произошло по инициативе Ломоносова, и одновременно, не страдая излишней скромностью, даёт понять, что своим избранием Рычков в значительной мере обязан той корреспонденции, которую он вел с ним, Миллером.

Текст сопроводительного письма гласит:

«Высокоблагородный господин советник!

При сем получите вы диплому о принятии вас в число академических корреспондентов; оно служит в доказательство, коим образом Академия, в одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородия, которые вы к поспешствованию наук и к пользе отечества уже учинили, а в другую, сколько желает она впредь иметь пользы от прилежания и искусства вашего. Вы еще первые в России,

¹ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 41.

которому от нее сия честь отдается; оную получаете вы не через звание ваше, ниже по представлению ваших друзей, ибо вы сами персонально Академии незнаемы, но сведомы единственно по вашим письмам, которые вы для распространения наук и для поощрения общей пользе сочинили, также и чрез вашу бывшую до сего со мною корреспонденцию, чрез которую Академия различными образами пользы своей имела. Сии обстоятельства и объявляют ныне сущее достоинство той дипломы...»¹.

После избрания в члены-корреспонденты переписка Рычкова с Академией наук приобретает регулярный характер. Он отвечает на многие письменные запросы со стороны Академии наук, высылает чучела редких животных, сообщает о наиболее интересных местах и природных явлениях края. Большая часть его корреспонденции направлялась в Академию наук через Миллера.

В 1759 году Рычков высылает в Академию наук краткое описание и чучело выдухоло, три гнезда ремеза — лучшего гнездостроителя среди наших птиц; в 1761 году — экземпляр оляпки (водяного воробья *Sinclus sinclus* L.); в 1763 году сообщает об открытии им в Оренбургском крае кошенили на клубнике; в 1764 году в адрес Ломоносова — описание медных руд Оренбургской губернии; в 1767 году — описание и чучело земляного зайца (*Lepus sibiricus* Pall.) и др.

Характер писем и сообщений свидетельствует об острой наблюдательности Рычкова, его умении подметить и выделить то, чего не замечали до него другие.

Например, в письме от 22 июля 1761 года Рычков сообщает о своих наблюдениях за сравнительно редкой в Оренбургском крае оляпкой (водяным воробьем). «В Топографической Оренбургской, — пишет он, — означено уже от меня, что в данной губернии есть особый род воробьев, которые гнезда свои имеют и детей выводят в береговых водах, куда они не иначе входят, как сквозь воду, и для того набирают такие реки, которые зимою или все не мерзнут или больше полынья имеют и быстрого течения. Я сам, в 1760 году в январе месяце будучи в Башкирии, на одном

¹ Записка Петра Ивановича Рычкова, Русский архив, кн. 3, М., 1906, стр. 315.

Перевод письма с немецкого языка на русский выполнен самим Рычковым.

месте долго на них смотрел, удивляясь, как они то из воды вылетали и сидели при берегах и на закраинах льда, то паки в воду, плавно как бы брошенный камень, повергались и уходили в свои норы. Некоторые же и в берегу под водою на сучьях имевшагося тут валежника сидели, так что их тут не очень глубоко сквозь чистую и прозрачную воду видеть было можно. Величина их побольше обыкновенного воробья, но перья темнее и издали почти черными кажутся; подхвост, на груди и на брюхе перья у них сероваты¹.

В другом письме, от 29 июня 1762 года, Рычков писал: «После дождливых погод, продолжавшихся здесь с месяц, на полях появилось здесь такое множество червей, что прежде никогда их столько не видало. Они шли и по дорогам стадами в таком множестве, что почти всю землю в некоторых местах покрывали. Сперва напали они на посеянные конопля, на горох и на мак, и где попадали тут все начисто поедали. Усматриваемы уже были они и на другом хлебе, особливо на ячмене, на овсах и полбе, а частячо и на рже, и всех здешних обывателей привели было в отчаяние хлебов (sic), да знаково и быть не могло б, ежели б сия многочисленная гадина с такою ж алчною и без разбору все пожирать стала, как сперва начала. После того как миновались мокрые погоды и сильные дожди, оставя хлебы, стала она жрать траву лебеду, осот и другие мягкие. А понеже сих трав и между посеянных хлебов было весьма много, то оставляя хлеб в целости, оную траву на многих десятинах всю пожрала и хлеб так, как выволола. Я сам с великим удивлением смотрел на одну десятину посеяного у меня проса, кое было еще не полото и заросши травом, кою крестьяне называют осот. Сей десятины одну половину оные черви так чasto вывололи, что на одной травинке в веф не осталось, а просо все в целости. Одним словом — руками так чисто выде не выволола; а другая половина осталась с травом и выволола бабами. Ныне оный гад почти весь уже пропал — видно, что от сухих и жарких дней... Величина оных червей с небольшими в дойм, цветом темносерые с желтоватыми полосками вдоль их, а некоторые были и зеленоватые...»².

¹ Пекарский П. П. Жизнь в литературной переписке Петра Ивановича Рычкова, СПб., 1867, стр. 33—34.

² Там же, стр. 36—37.

Описываемые Рычковым «черви» являются, несомненно, гусеницами различных вредителей полей, скорее всего лугового мотылька и совки-гаммы. Еще в недавнем прошлом, до коллективизация и освоения колхозами травопольной системы земледелия, эти и другие вредители размножались в отдельные годы в массовом количестве, наносили большой ущерб посевам в степном и лесостепном Заволжье.

Рычков был лишен возможности принимать участие в длительных научных экспедициях, которые в то время иногда снаряжала Академия наук. В своей научной работе он не имел грамотных помощников, у него не было самых необходимых приборов, не хватало времени и, главное, денег, так как его научные изыскания никем не финансировались. Его поддерживали только неутолимая страсть к познанию, к поискам нового, и горячее стремление отдать все знания и ум на благо отечества. Он не пропускал ни малейшей возможности и ни одного случая — было ли это пребывание в собственном имении или служебная поездка, чтобы не ознакомиться с природными или хозяйственными достопримечательностями посещаемых мест. Онутившись в первых числах января 1760 года на Вознесенском медеплавильном заводе в Башкирии, Рычков узнает о существовании крупной пещеры, расположенной на правом берегу Белой, в 12 верстах от завода вниз по реке. Несмотря на глубокий снег и отсутствие всяких дорог к пещере, он решил заняться ее изучением. Результаты изучения пещеры были опубликованы Рычковым в том же 1760 году в статье «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается». Статья эта, получившая вскоре широкую известность, была напечатана, как и многие другие труды Рычкова, в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих».

Пещера, по данным Рычкова, имеет очень крупные размеры, из нее вытекает речка, впадающая в Белую. Вблизи нее разбросаны провальные ямы (воронки), достигающие 12 сажен в глубину. Несмотря на сильный мороз на открытом воздухе, в пещере было тепло. Обнаружив в пещере следы пребывания человека, Рычков высказывает мнение, что в образовании пещеры, помимо природных сил, принимал участие человек.

«Когда я спрашивал у башкирцев: от кого б сие толь удивительное здание построено? Все мне ответствовали, что то творение божие; руками и силами человеческими того сделать никому не возможно. Но сие башкирское мнение основано на их невежестве; все расположение сие пещеры довольно значит, что она когда-нибудь, и всемерно в самые древнейшие времена, в первообытному и натуральному ее состоянию, сжила не вся, то по большей части, руками человеческими строена, для жительства людского, или паче для убежища, может быть, во время каких ни есть бывших гонений и опасностей¹. Отводя человеку столь большую роль в создании пещеры, Рычков все же считал, что в основе возникновения как этой пещеры, так и других лежат природные факторы. Пещеры, по его мнению, образуются «от подземного огня и от протоков подземных вод»², человек же в данном случае лишь изменил внешний вид пещеры.

Эта пещера, под именем Каповой, в 1806 году была осмотрена членами Оренбургского отдела Русского Географического общества, которые составили свои наблюдения с описанием пещеры, данным в работе Рычкова. Участники осмотра сочли нужным печатно отметить факт удивительно точного и правдивого описания пещеры Рычковым³.

Статья Рычкова представляет большой интерес в том отношении, что она является первой научной работой по карсту России. Правда, упоминание о карсте можно встретить и в более ранних печатных изданиях, но все они носят характер случайных, отрывочных сведений, в то время как у Рычкова мы имеем дело с крупной статьей, специально посвященной карсту — описанию и выяснению генезиса пещеры, а частично и других карстовых форм рельефа. Если к сказанному добавить еще сведения о других пещерах, собранные Рычковым в его «Топографии», то станет понятным, почему карстоведы отводят Рычкову почетное место в истории своей науки. «С полным правом П. И. Рычкова можно считать, — пишет М. А. Зуба-

¹ Рычков П. И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой..., Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих, 1760, стр. 215.

² Там же, стр. 219.

³ Изв. Оренбургского отдела Географического общества, изд. 10, 1807, стр. 71.

Щенко, — первым исследователем карста России, тем более, что он не только собрал обширный фактический материал о карсте, но пытался уже дать объяснение наблюдаемым фактам»¹.

Ведя переписку с Академией наук, усиленно работая над различного рода историко-географическими трудами, Рычков одновременно собирал материалы для второй части «Топографии Оренбургской». Это была трудная и кропотливая работа, требовавшая бесчисленного количества справок, выписок, ссылок на источники и т. д. К тому же для составления ее Рычков не видел большого стимула: первая часть «Топографии», одобренная Академией наук еще в 1755 году к изданию, продолжала лежать в рукописи. Несмотря на это, в апреле 1760 года вторая часть «Топографии Оренбургской» была закончена.

Через полтора года в январском номере журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих» печатаются первые главы «Топографии Оренбургской». Вслед за этим, непрерывно в каждом номере журнала главы «Топографии» появляются одна за другой. В ноябрьском номере журнала увидела свет последняя глава важнейшего географического сочинения Рычкова.

¹ Зубашенко М. А. К истории исследования карста Восточно-Европейской равнины. Изв. Воронежского гос. ун-та института, т. IV, вып. 2, Воронеж, 1948, стр. 92.

